

Иван БУНИН:

«Окаянные дни»

Подшел юбилей Ивана Алексеевича Бунина...

И мы, наконец, отмечаем его не дежурными одами, которые, по сути, отдаляли живой облик писателя, а тем, что, наоборот, приближает к нам его пострадавшую душу.

«Окаянные дни», этот бунинский дневник 1918—1919 гг. запечатлел постепенный и неотвратимый разрыв его с Родиной. Бунин записывает поразившие его впечатления новой жизни. Рельефное, документальное письмо, безжалостное перо, чуткость хронографа... Но за всем этим, как тень надежды, прячутся спасительные вопросы: это не сон? неужели конец?

Да, кровавый хаос великого сокрушения не театрализованное действие, а суть новый порядок России. Иллюзии из текста исчезают, на их месте — разный трагизм революции.

И скоро-скоро пароход «Спарта» отшвартуется от одесских причалов и уйдет в Константинополь. С тех пор единственная наша с ним связь — через книги. После «Окаянных дней» мы их перечтем уже совсем иначе.

тучных, но сами от того не станут тучнее».

Сейчас (одиннадцатый час, ночь) открыл окно, выглянул на улицу: луна низко, за домами, нигде ни души, и так тихо, что слышно, как где-то на мостовой грызет кость собаки, — и откуда только могла она взять эту кость? Вот дожили, — даже кости дивисься!

25 апреля.

Вчера поздно вечером, вместе с «комиссаром» нашего дома, явились измерять в длину, ширину и высоту все наши комнаты «на предмет уплотнения пролетариатом». Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны, остервенело катающие чурбан! Я не проронил ни слова, молча лежал на диване, пока мерили у меня, но так взволновался от этого нового издевательства, что сердце стучало с перерывами и больно пульсировала жила на лбу. Да, это даром для сердца не пройдет. А какое оно было здоровое и насколько бы еще меня хватало, сколько бы я мог еще сделать!

«Комиссар» нашего дома сделался «комиссаром» только потому, что моложе всех квартирантов и совсем простого звания. Принял комиссарский сан из страха; человек скромный, робкий и теперь дрожит при одном слове «революционный трибунал», бегаёт по всему дому, умоляя исполнять декреты, — умеет

нагонять страх, ужас эти негодяи, сами всячески подчеркивают, афишируют свое зверство! А у меня совершенно осязаемая боль возле левого соска даже от одних таких слов, как «революционный трибунал». Почему комиссар, почему трибунал, а не просто суд? Все потому, что только под защитой таких священо-революционных слов можно так смело шагать по колену в крови, что, благодаря им, даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства, отлично понимающие, что надо вязать, тащить в полицию босяка, который схватил за горло прохожего в обычное время, от восторга захлебываются перед этим босяком, если он делает то же самое во время, называемое революционным, хотя ведь всегда имеет босяк полное право сказать, что он осуществляет «гнев низов, жертв социальной несправедливости».

Случается, что, например, выходит из ворот бывшей Крымской гостиницы (против чрезвычайки) отряд солдат, а по мосту идут женщины: тогда весь отряд вдруг останавливается — и с хохотом мочится, оборотятся к ним. А этот громадный плакат на чрезвычайке? Нарисованы ступени, на верхней — трон, от трона текут потоки крови. Подпись:

Мы кровью народной залитые троны
Кровью наших врагов обогрим!

А на площади, возле Думы, еще и до сих пор бьют в глаза проклятым красным цветом первомайские трибуны. А дальше высится нечто сбитое из досок, очевидно, по какому-то футуристическому рисунку, и всячески размалеванное, целый дом какой-то, суживающийся кверху, с какими-то сквозными воротами. А по Дерябасовской опять плакаты: два рабочих крутят пресс, а под прессом лежит раздавленный буржуй, изо рта которого и из зада лентами лезут золотые монеты. А толпа? Какая, прежде всего, грязь! Сколько старых, до-

нельзя запакошенных солдатских шинелей, сколько порывших обмоток на ногах и сальных картузов, которыми точно улицу подметали, на вшивых головах! И какой ужас берет, как подумаешь, сколько теперь народу ходит в одежде, содранной с убитых, с трупов!

А в красноармейцах главное — распущенность. В зубах папироска, глаза мутные, наглые, картуз на затылок, на лоб падает «шевелюр». Одеты в какую-то сборную рвань. Иногда мундир 70-х годов, иногда, ни с того ни с сего, красные рейтузы и при этом пехотная шинель и громадная старозаветная сабля.

Часовые сидят у входов реквизируемых домов, в креслах в самых изломанных позах. Иногда сидит просто босяк, на поясе браунинг, с одного боку висит немецкий тесак, с другого кинжал.

Возвращаясь домой, пересмотрел давно валяющуюся у меня лубочную книжечку: «Библиотека трудового народа. Песни народного гнева. Одесса. 1917 г.» Да, это и тут есть:

Кровью народной залитые троны
Мы кровью наших врагов обогрим,
Месть беспощадная всем супостатам,
Смерть паразитам трудящихся масс!

Есть «Рабочая Марсельеза», «Варшавянка», «Интернационал», «Народовольческий гимн», «Красное знамя»... И все злобно, кроваво донахальства, лживо до тошноты, плоско, убого до невероятия:

— Мы пошлем всем злодеям проклятье,

На борьбу всех борцов позовем...

Вихри враждебные веют над нами...

Но мы поднимем гордо и смело

Знамя борьбы за рабочее дело...

— Мы в плуги меч перекуем

И новой жизнью заживем...

Боже мой, что это вообще было! Какое страшное противоестественное дело делалось над целыми поколениями...

Подумать только: надо еще объяснять то тому, то другому, почему именно не пойду я служить в какой-нибудь Пролеткульт! Надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и прощещать насчет «Последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и «антиресуется» стихами!

Когда совсем падаешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки наступит же когда-нибудь день отпущения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням. Нельзя быть без этой надежды. Да, но во что можно верить теперь, когда раскрылась такая неслыханно страшная правда о человеке?

Все будет забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможет, которая что угодно исказит, как это сделало, например, с французской революцией то вреднейшее на земле племя, что называется поэтами, в котором на одного истинного святого всегда приходится десять тысяч пустосветов, выродков и шарлатанов.

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые!

Да, мы надо всем, даже и

над тем несказанным, что творится сейчас, мудрим, философствуем. Все-то у нас не веревка, а «вервие», как у того крыловского мудреца, что полетел в яму, но и в яме продолжал свою элоквенцию.

Вообще, литературный подход к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие? Разбили, разделили ее на десятилетия — двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые годы — и каждое десятилетие определили его литературным героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров... Это ли не курам на смех...

Газеты зовут в поход на Европу. Вспомнилось: осень 14-го года, собрание московских интеллигентов в Юридическом Обществе. Горький, зеленая от волнения, говорит речь:

— Я боюсь русской победы, того, что дикая Россия навалится стомилионным брюхом на Европу!

Теперь это брюхо большевистское, и он уже не боится.

Рядом с этим есть в газетах и «предупреждение»: «В связи с полным истощением топлива, электричества скоро не будет». И так, в один месяц все отработали: ни фабрик, ни железных дорог, ни трамваев, ни воды, ни хлеба, ни одежды — ничего!

Да, да — «вот выйдут семь коров топих и пожрут семь

Двадцать томов без пробелов

Наш собеседник — известный писатель Олег Михайлов, заведующий сектором Русского Зарубежья Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, составитель и редактор девятитомного собрания сочинений Бунина, вышедшего в 60-х годах.

— Если творчество В. Набокова для советского читателя вплоть до последних лет оставалось тайной за семью печатями, то Бунин у нас был вроде бы и признанный классик. Были изданы три собрания сочинений, часто переиздавались его отдельные книги. Наверное, трудно у нас найти домашнюю библиотеку, где нет его «Жизни Арсеньева» или «Темных аллея». И вот «Окаянные дни». Это новый, подозреваю, что для многих наших читателей совсем неизвестный Бунин. Не думаете ли вы, что настоящее возвращение Бунина начинается только сейчас?

— Судьба бунинского литературного наследия в нашей стране драматична. Уже после смерти Ивана Алексеевича в 1954 году на Втором съезде писателей Федин впервые назвал Бунина классиком рубежа двух столетий. Так было нарушено молчание вокруг его имени, и Бунин стал издаваться у себя на Родине. Но еще до этого произошла такая малень-

кая история, которая могла бы привести к возвращению Бунина в 1946 году. По свидетельству Нины Берберовой, некоторые писатели-эмигранты, в том числе и Бунин, на закате своих лет стали склоняться к тому, чтоб сотрудничать с Советской Россией. Следы этих намерений существуют. В газете «Советский патриот», которая выходила в Париже после войны, появилось интервью с Буниным, а в дневниках Веры Николаевны есть строчка, на которую мало кто обращал внимание, что предлагают самолет туда и обратно с пребыванием в Москве. Это, конечно, могло быть с высочайшего разрешения Сталина. В Москве в Гослитиздате существовал уже набранный макет тома бунинских произведений.

Но советские бюрократы не учли, что Бунин был внутренне совершенно свободным человеком. Он не мог купиться ни на какие щедрые посулы, если тексты той первой книги были набраны с купюрами. Москва не пошла на компромисс, и возвращения не состоялось.

— Да, этот человек был удивительно цельным. Он не мог торговать своими убеждениями и в более тяжелые дни. В очерке «Третий Толстой» [речь идет о А. Н. Толстом] Бунин вспоминает осень семнадцатого го-

да: «Жить стало уже очень трудно, начинался голод, питаться мало-малышки сносно можно было только при больших деньгах, а зарабатывать их — подлостью. И вот объявилась в каком-то кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» — сидят спекулянты, шулера, публичные девки и жрут пирожки по сто целковых штука, пьют какое-то мерзкое подобие коньяка, а поэты и беллетристы [Толстой, Маяковский, Брюсов и прочие] читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные, произнося все заборные слова полностью. Толстой осмелился предложить читать и мне, я обиделся и мы поругались...»

— В 1975 году в Лондоне вышел сборник рассказов и воспоминаний И. А. Бунина «Под серпом и молотом», в нем курсивом были даны места, выдранные нашей цензурой. Получилось очень наглядно, как «бережно» относились мы к бунинскому наследию. В последнем шеститомном собрании сочинений (шестой том вышел в 1988 году!) даны лишь фрагменты дневников с купюрами политического характера. Я был членом редакционной коллегии этого издания и пробовал протестовать против искажений и изъятий, но даже тогда это было бесполезно.

Причина в том, что Бунин не только не принял Октябрьский переворот, но и занял недвусмысленную позицию по отношению к большевикам.

Его одесские дневники «Окаянные дни», его книга «Воспоминания» написаны с большой яростью и публицистическим темпераментом, с огромной эмоциональной силой отрицания, которая подчас занесла Бунина очень сильно. Но это как раз тот субъективизм, который необходим, потому что без темперамента нет художника.

Конечно, эти произведения в полном виде у нас никогда не переиздавались.

— Изменится ли что-нибудь к лучшему? Или мы так и будем довольствоваться этими отрывочками!

— Сейчас положение меняется, и самым разительным образом. В издательстве «Современник» выходит полностью книга «Окаянные дни», в издательстве «Книга» выходит шеститомная антология «Литература русского зарубежья», где неизданный Бунин будет представлен очень широко. Издательство «Молодая гвардия» готовит том неизданного Бунина, куда войдут совсем неизвестные советскому читателю очерки, например, «Великий дурман», написанный в

Одессе в 1919 году и изданный в 1921-м в Париже, или «Инония и Китеж», посвященный 50-летию юбилею со дня смерти Алексея Константиновича Толстого, где миру этого поэта противопоставляется мир поэзии Есенина и послереволюционного Блока, которые для него олицетворяют другую Русь, Русь «инонии» и богохульства.

Я думаю, что это будет начало и подготовка к тому, чтобы издать академическое собрание сочинений Бунина. Я подготовил предварительный план 20-томного издания, куда войдут все художественные тексты, такие, как, изуродованный нашей цензурой, рассказ «Красный генерал», который у нас выходил под нейтральным названием «Сосед», и совсем не публиковавшийся «Товарищ Дозорный», рассказы о французской революции 18-го века — «Андре Шенье», «Камилл Демулен», кроме того, «Окаянные дни» и вся публицистика Бунина, и, наконец, его дневники, которые в основе своей недавно были изданы за рубежом Милицей Грин в трехтомнике «Устами Буниных». К ней мы хотим обратиться за помощью как к хранительнице подлинников дневников Ивана Алексеевича и Веры Николаевны.

Г. ВАСИЛЬЕВА.